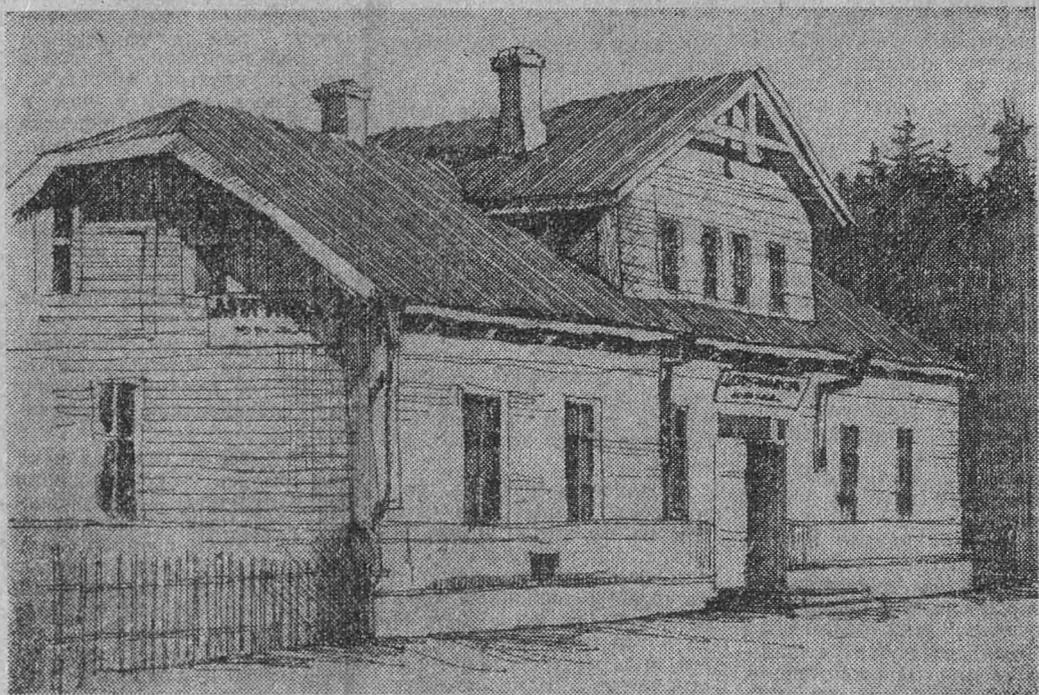

ПАМЯТИ БУРЕВЕСТНИКА РЕВОЛЮЦИИ

ДОВРИНСКИЙ СТОРОЖ

В ПЕРВЫЕ мемориальную доску с надписью «Здесь жил и работал в 1886—1889 годах А. М. Горький» я увидел в конце сороковых годов на старом здании деревянного вокзала станции Добринка. Представилось, что когда-то Алексей Пешков сидел на этих скрипучих ступеньках, опираясь на шаткие перила. В первый день приезда ночевал в зале ожидания на старых лавках, а может и на полу, подставляя газету... В 1964 году старый вокзал был снесен. Построили новый, кирпичный. На месте старого разбит цветник, и в его центре возвышается памятник молодому Буревестнику. А доска перенесена на новое здание. Вот только при взгляде на нее к чувству гордости, что на этой земле жил великий писатель, примешивается сожаление о том, старом вокзале, который помнил молодого Горького.

Сразу за вокзалом начинается улица Горького, центральная в Добринке. Сохранилось кирпичное здание — та самая «казарма», где жил Алексей Пешков в 1888—89 годах.

Приехал в Добринку 20-летний Алексей Пешков поздней осенью в ветхом пальтишке «на рыбьем меху», стоптанных сапогах. Надо было как-то пережить зиму. Работу сторожа на станции ему помог получить Михаил Яковлевич Началов, журналист, народник, работавший в управлении Грязе-Царицынской железной дороги.

Об этом периоде жизни писателя рассказывали друг молодости Иван Васильевич Черногоров, его дочь Анна Ивановна Черногорова, Андрей Иванович Ермаков, Василий Борисович Потапов и его сын Петр Васильевич, Иван Петрович Федеркин, Степан Алексеевич Буданцев, Иван Васильевич Лунев, Петр Иванович Логунов и многие другие.

Горький заметно выделялся среди рабочих. Вокруг него объединилась небольшая группа, нечто вроде кружка саморазвития. Весельи и добрый, будущий писатель привлекал к себе простотой, искренностью и сердечным отношением к людям. Живя в «казарме», он много читал, рассказывал исто-

рии, сказки. Часто просили его спеть «Лувиношку», «На том ли поле серебрястом».

Годы спустя в письмах к И. В. Черногорову Горький возвращался мыслью к тем временам: «Все помню: и беседы наши, и час смены, и как сцепщик обличал в воровстве начальника станции».

В контору Ададурова, где в этот период процветал либерализм, А. Пешков мог смело послать письмо шутового тона: «Живу я по-прежнему хорошо, с товарищами по службе сошелся, обязанности свои постиг в совершенстве и исполняю их в точности. Начальник станции мною доволен — и, в знак своего расположения и доверия ко мне, заставляет меня каждое утро выносить помой из его кухни. Попро ответить, входит ли в круг обязанностей таскать помой из кухни начальника станции?».

Вскоре после этого письма он подал прошение о переводе из Добринки в Борисоглебск. В нем А. Пешков стихами изложил свое положение сторожа, двойное подчинение начальника станции и его кухарке.

И. В. Черногоров вспоминал: «...на глухой станции люди были нужны, я Алексея Максимовича принял на работу ночным сторожем. За 12 рублей в месяц мы стерегли хлебные лабазы, да вдобавок, обязаны были работать за грузчиков. Жалко мне было Алексея, мерзнет, бывало, а всё говорит: «Ничего, Иван, доживем и мы до хороших дней». А ты ладно, говори, дни-то считать. Давай, полезай под рогожу да грейся... Всю зиму проработал я с Алексеем Максимовичем. Среди чувалов хлеба собирались рабочие и слушали Горького. Он говорил о том, как должен жить человек. Потом уехал он на станцию Крутая, а вскоре и я за ним. Он работал весовщиком, а я опять сторожем».

Позже Черногоров работал вместе с Горьким на станциях Филоново, Себряково, Алексиково.

Анна Ивановна Черногорова вспоминала, что Горький дважды навещал их. «Я еще была маленькой, помню, Горький приездом останавливался у нас. С

отцом долго беседовал, а вот о чем, убой, не помню. Запомнилось только, как он вошел в наш низенький домик, разогнулся и стукнулся головой о притолоку: «Ого... не для такой каланчи. Иван, твои хроминки, да и тебе-то на цыпочки не встать»...

Во второй раз Горький приезжал в Добринку в мае-июне 1891 года. Останавливался вновь у Черногоровых, и дом тот цел до сих пор. Тогда-то он услышал об истории, ставшей позже сюжетом рассказа «Скучки ради», напечатанного в 1897 году в «Самарской газете». Добринский сторожил В. Б. Потапов подтверждал описанный в рассказе случай.

Почти через 45 лет после того, как впервые свела их судьба, Горький разыскал старого друга. В 1935 году в Добринский райисполком пришло письмо Горького с просьбой сообщить адрес Черногорова. А вскоре Алексей Максимович получил ответ от самого Черногорова. Иван Васильевич вспоминал проведенные вместе годы, сетовал — а ему уже минуло семьдесят, — на плохом здоровье, ослаблении слуха, болезни ног, что работать не может, а пенсии не получает.

«Здравствуйте, Иван Васильевич, старый товарищ! — писал Горький. — Я очень хорошо помню Вас, красивый Вы тогда были пареня, сильный, но — не веселый, задумчивый такой и часто жаловались, что жить скучно. Предлагали Вам — я и сцепщик, забыл его мудреную фамилию — учиться грамоте, но это дело не пошло. Вы сказали что-то вроде того, что-де «и без грамоты — тошно». А все-таки, когда мы читали книги под пятым фонарем у пакагуза, Вы слушали внимательно. Все помню: и беседы наши, и час смены, и как сцепщик обличал в воровстве начальника станции, и как по ночам приходили «жолнерки» из станции. Только одну шутку сыграла со мной память: я Вас перенес из Добринки на Крутую Волгодонской ветки, — это часто бывает, что перемещая людей произвольно, как бы вставляя их в ту обстановку, которая кажется мне наиболее подходящей их характерам. Очень

хотелось бы сделать для Вас что-нибудь. Посылаю немного денег, может, пригодится. Будьте здоровы, Иван Васильевич!» «Переселил» Черногорова Горький потому, что на присланной ему ранее фотографии рабочих станции Крутая был и Иван Васильевич. Он работал и на этой станции, куда уехал вслед за Горьким еще в 1889 году. Это подтверждается и письмом самого Горького от 30 марта 1934 г. старому товарищу А. П. Васильеву: «Андрей Парфенович! Получил я твое письмо и отлично вспомнил тебя, Басаргина, Курнашова, Ковшова, сторожа Черногорова и почти всю братию на снимке, присланном тобой. Значит, живем еще, Парфеньч? А ведь неплохо начали жить и с каждым годом все лучше будем, — растут в стране огромные силы! А помнишь, как вы, черти клетчатые, издевались надо мной, высмеивали меня, когда я говорил, что хозяевами жизни должен быть рабочий народ? Только один Черногоров заморозным басом откликнулся: «Верно». Он понимал, что, если к умным рукам пристроить умную голову, — можно повернуть жизнь как следует. Вот и повернули!».

Горький, кроме писем, дважды послал Черногорову деньги. В своих ответах Черногоров благодарил старого товарища. В последнем письме он сообщил Горькому, что тяжело болен.

— Вот поэтому, из-за болезни, он и не смог поехать на похороны Горького, — рассказывает живущая ныне в Добринке А. В. Черногорова (жена сына И. В. Черногорова), — хотя за ним семья Горького прислала специальный рейсом самолет. А недели через три, когда поправился, он поездом ездил в Москву к семье Горького, и прожил там более месяца. Когда вернулся, то очень гордился подаренным ему пальто. «Это с плеча самого Максимиляча».

Благодаря стараниям Горького Черногорову была назначена пенсия.

Традиционно считается, да и сам Горький указывал началом своей литературной деятельности 1892 год. Но после Добринки Горький показав В. Г.

Короленко толстые тетради стихов. «Первая моя встреча с ним, — писал Горький, — относится к 88 или 89 году. Приехав в Нижний Новгород, не помню откуда, я узнал, что в городе этом живет писатель Короленко... В котомке у меня лежала тетрадь стихов и превосходная поэма в прозе и стихах «Песнь старого дуба». Эти и другие факты подтверждают, что первые шаги в творчестве А. Пешков сделал в Добринке.

Есть основание утверждать, что и идея псевдонима «М. Горький» возникла во время пребывания в Добринке. Его старый друг и учитель А. М. Калюжный пишет, что псевдоним Алексей Максимович придумал сам. «А вот как придумал, Калюжный не объясняет, — рассказывал Петр Васильевич Потапов, чей отец работал вместе с Горьким и Черногоровым. — И отец, и дед Черногоров уверены были, что Горький — по Горькаевым. В Добринке много Горькаевых. Вместе с Алексеем Максимовичем и Черногоровым работал на станции Егор Горькаев. Он был немного старше Горького. Он был сыном дьячка из села Дурово и отличался начитанностью. Удивительно светлый был этот Горькаев. Жил он, поглощенный исканием добра и правды, его все мучил вопрос: почему же все честное и талантливое оказывается лишним на земле? Черногоров рассказывал, Горький просто был влюблен в него. И вот когда он вторично приехал к нам в Добринку, то Горькаева уже не было в живых: в 1890 году он погиб. Алексей Максимович очень был огорчен и говорил Черногорову: «Ах, как много глупет на Руси хороших людей». А через год свой первый рассказ он подписал «Максим Горький».

Добринка сыграла заметную роль в судьбе писателя, и если уж Горький помнил о ней до конца своей жизни, то нам просто непростительно быть равнодушными к памяти этого большого художника и человека.

А. ЯБЛОНСКИЙ.